

УДК 159.923.2

СОЦИАЛИЗИРУЮЩАЯ РОЛЬ СКАЗКИ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

THE SOCIALIZING ROLE OF FAIRY TALE IN PERSONAL DEVELOPMENT

Богатырева Жанна Владимировна

старший преподаватель
кафедры истории, философии
и психологии, соискатель,
Кубанский государственный
технологический университет
id.yug2016@gmail.com

Bogatyreva Zhanna Vladimirovna

Senior lecturer
chairs of history and philosophy
and psychology, the applicant,
Kuban state technological university
id.yug2016@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена роль сказки в духовном формировании и развитии личности. Сказка представлена как форма духовного опыта человечества, является смыслообразующей цепочкой. В сказке закреплены жизненный урок, страдания, испытания, радости и горечи. Выявлена и обоснована необходимость дальнейшего, углубленного изучения сказки.

Annotation. The article is devoted to the influence of a fairy tale on spiritual formation and development of personality. In this context a fairy tale is shown as a form of spiritual experience of mankind. The idea of life lesson, suffering, ordeal, happiness and bitterness is presented in a fairy tale.

Ключевые слова: сказка, роль сказки в формировании личности, инициация, культура, смысложизненные ситуации, народная мудрость, духовный опыт человечества.

Keywords: a fairy tale, influence of fairy tale on formation of personality, life situations, initiation, culture, popular wisdom, spiritual experience of mankind.

*«Сказка гораздо старше, чем искусство и науки психология, и всегда будет оставаться старшим членом управления, сколько бы времени ни прошло»
(Эстет К.П.)*

В рамках академической фундаментальной науки философские работы и труды о сказке не слишком богаты и поэтому в основной своей массе носят педагогически-воспитательный, а не собственно исследовательский характер. Глубокое философское осмысление неоднозначности феномена сказки позволяет заявить, что основные моменты практической философии заложены именно в феномене мифологического мировосприятия, со временем утратившего особенности мифологии и просто превратившись в зону исследований фольклористов и этнографов. Однако изучение феномена сказки может дать множество отгадок к пониманию как гносеологических, так и онтологических проблем в русле практической философии, т.е. понимания человеком основных смысложизненных ситуаций [2, с. 352].

Роль восприятия и сопереживания сказки для психического развития ребенка остается острой и незавершенной, чем большее ее обсуждают психологи, философы, этнологи, антропологи, литературоведы и фольклористы. Способность сказки актуализировать в самых разных областях человеческие мысли и чувства признана и психологами, и философами, и литературоведами, и т.д. Постичь магию этого явления невозможно без раскрытия особой изначальной социализирующей роли сказки в психическом развитии ребенка. Социализирующая функция сказки оказывает влияние на формирование мировоззрения. Назидательный характер данного фольклорного жанра, оказывает влияние на формирование подрастающей личности.

Фантастический, сказочный мир, наполненный чудесами, тайнами и волшебством всегда привлекал детей и как не странно взрослых. Это мир волшебства, мир чудесного, мир, в котором нет ничего невозможного и, тем не менее, все происходит по определенным правилам; имеет определенные задачи, выходящие за рамки простого развлечения детей. Мы обратились к сказкам, так как они являются отражением коллективной метафоры, содержат в себе и передают из поколения в поколение общечеловеческие истины, знания о мире, о взаимоотношениях людей, о проблемах и препятствиях, возникающих у каждого человека [4, с. 16]. Познавая реальный мир в его социальных связях и отношениях, но, будучи ограниченным, в возможностях включить себя в эти структуры, ребенок активно черпает опыт из воспринимаемых сказок. Дети любят сказки за то, что в них реализуется недостаток действия в реальной жизни. Ребенок с радостью погружается в воображаемый, нереальный мир и творчески преобразует его. Но нереальным этот мир кажется только для взрослого, ребенок же воспринимает все происходящее в сказке как реальность. Этого требует его внутренний мир. Перевоплощаясь в сказочных героев, в принцев и принцесс, в колдунов и фей, в птиц и животных, дети с гораздо большим энтузиазмом и удовольствием выполняют задания, чем, будучи просто Петей, Машей и т.п.. Через сказку ребенок учится преодолевать барьеры, находить выходы из трудных ситуаций, верить в силу добра, любви и справедливости.

Сказку можно назвать интероризированным мифом – знание человека о себе самом, о закономерностях антропо и социогенеза, адекватно понимаемое, но выраженное пока в символических формах. И если миф считать пранаукой, то сказка может быть обозначена как прапедагогика, возрастная психология и психотерапия. В современном обществе существует Сказкатерапия, как один из методов терапевтической помощи детям и взрослым. В сказочной форме свою проблему легче увидеть, легче принять, не так обидно, не так больно... Правильно подобранные сказки содержат средства, позволяющие исправить или возродить любую утраченную душевную дружину. Создаваемые веками народные сказки выбрали в себя оптимальный опыт педагогического и психотерапевтического взаимодействия между ребенком и взрослым, тем самым способствуя формированию зрелой личности, выработке адекватной системы механизмов *защиты Я*. Как отмечает историк Виктор Тен: сказка всегда чему-нибудь да учит, сказка без урока – абсурд. Поэтому очень важно рассказывать ребенку именно народные сказки или сказки, созданные при непосредственном контакте с носителями народной культуры (сказки Ш. Перро, братьев Гримм, Г.Х. Андерсена, А.С. Пушкина, Е. Шварца, К.С. Льюиса и т.п.).

Народные сказки нередко кажутся *жестокими*. Например, в неприукрашенных вариантах сказок типа «Теремок», «Терем мухи», «Рукавичка» медведь просто сел и раздавил всех обитателей теремка. В определенной мере переживание страха необходимо ребенку, оно насыщает его психику *архаичной энергетикой защитной «боязни» и сдерживает агрессивные импульсы* фобийными образами [2]. Страшная сказка служит при этом компенсацией незрелых конфликтов и служит профилактикой их рецидива. Слушая страшную сказку, ребенок учится переживать страх. Впоследствии, сталкиваясь с реальными страшными ситуациями, он в определенной мере уже будет к ним подготовлен. Сказка помогает направить переживание страха вовне, проецируя страх на символический образ Бабы-яги, Кощея, Бармалея, и др. Особенности сказочной культуры делают такую *форму самораскрытия* менее болезненной для ребенка и более естественной для окружающих. В этой связи можно говорить об «адекватном сопровождении каждого этапа личностного развития ребенка средствами сказочной культуры» [2].

Наличие как положительных, так и отрицательных героев дает возможность *отыгрывать различные модели поведения в конфликтных ситуациях*, сравнивая разную форму реагирования героев, сказка помогает ребенку осознать и проанализировать свои поступки в реальной жизни, что позволяет обеспечить автоматизацию усвоенных поведенческих навыков.

Нравственно-воспитательные возможности сказки как вида искусства приобретают конкретную феноменологическую и индивидуализированную направленность. Форма сказки имеет очень важное преимущество: сказка намного интереснее, чем нравоучительная лекция родителя или взрослого. Во всем мире дети выключают телевизоры и радиоприемники, если там читают нотации, и включают их, когда наступает время сказки. Ее можно назвать специальным и доступным языком общения с детьми. Часто о внутренних переживаниях, страхах детям трудно говорить открыто, и попытки завести разговор на эту тему заканчиваются замыканием или уходом от разговора. Слушая сказку – совсем другое дело. В этом случае им не читают наставлений, их не обвиняют, и не принуждают говорить о своих затруднениях и проблемах – они просто слушают сказку о ребенке или герое таком же, как он. Им ничто не мешает слушать, узнавать, что-то новое, что-то сопоставлять, сравнивать без всяких неприятных психологических последствий. Это значит, что они могут поразмышлять над услышанным, в психологически комфортной обстановке. Изменив контекст, мы *создаем зону безопасности*.

Максимальный душевный комфорт так же важен, когда ребенок слышит в сказке вплетенный рассказ о пороке. Носитель «порока» своей сказочностью, дистанцирован от ребенка на безопасное для самолюбия расстояние. Высмеивая его, смех не унижает ребенка, ибо он смеется как хозяин роли, хозяин персонажа.

В волшебных сказках есть элемент, который отличает ее от всех других сказок – *момент превращения*. Превращение выступает в форме воплощения героя в другом человеке, животном, предмете. В результате воплощения герой, сохраняя свои свойства и качества, обретает новые, позволяющие достичь желаемую цель, одержать победу над злом, завоевать независимость, и т.д. Превращение в кого-либо не всегда сопровождается любовью, жалостью или симпатией к последнему, но и в жизни так бывает. Однако в любом случае воплощение в другом, *сопровождается личностным ростом героя* – прорастание его могущества, мудрости, силы сквозь призму существа другого. Примером этому служат герои сказок «Марья-Моревна», «Фенист Ясный-Сокол», «Иван-Царевич», «Жар-Птица и серый волк». Важным здесь является, то что, воплощаясь в другом, герой не теряет собственной сущности, а лишь обогащает и усиливает ее.

Философский анализ позволяет трактовать *сказку как форму духовного опыта человечества*. Сказка – это тот кладень народная мудрости, который, сопровождая ребенка с самого рождения, помогает ему легче пройти путь его собственного развития. Согласно выдвинутой гипотезе В.Я. Проппа традиционно сказки можно считать неким *звуковым сопровождением обряда инициации, посвящение ребенка в человека* [2, с. 352]. Именно в основе волшебной сказки, по мнению самых разных исследователей, независимо друг от друга, лежит *образ инициации*.

Сказки затрагивают тему *инициации женщины и инициации мужчины*. *Инициация* (от лат. initio – посвящение, совершение таинства) – разновидность обряда перехода, посвящения юношей в разряд взрослых мужчин – отсюда в сказках «иное царство», куда следует попасть герою, чтобы приобрести

невесту или сказочные ценности, после чего он должен вернуться домой, т.е. должен пройти Путь Героя. Такой путь мужской инициации отражен в сказках «Данила мастер», «Садко», «Мальчик-с-пальчик», «Фенист Ясный-Сокол», «Илья Муромец», «Красавица и чудовище», «Аленький цветочек», «Конек-Горбунек» и д.р. Такие сказки, как «Морозко», «Крошечка-Ховрошечка», «Царевна-лягушка», «Снежная королева», «Дюймовочка», «Госпожа Метелица», «Золушка» и «Спящая красавица» Ш. Перро, «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» Пушкина, «Принцесса на горошине», «Снегурочка» Аксакова, а также древнегреческий миф о Психее раскрывают модель *женской инициации*, т.е. перехода из юной девушки в женщину, нашедшей свое счастье [2, с. 353].

В волшебных сказках есть *вечный поиск счастья* для героев обоих полов. Да и чудесные превращения, и магические помощники нужны, чтобы обрести счастье и далее их волшебство прекращается для героя. Счастье в сказках – это смысл исканий, который сопряжен с подвигами, тяжелыми испытаниями и жертвами. Но взлет над действительностью всегда оправдывает эти жертвы, ибо уносит в волшебное счастье, зароняя в души людей готовность к чудесному озарению, доблестному подвигу и радости за победу. И обретает его лишь тот, кто ни перед какими трудностями не остановится. Преодолевает трудности, так он получает возможность к изменению, переходу на новый уровень своего развития. Герой взрослеет по ходу повествования сказки, что отражает *ритуал инициации*. Сказочный сюжет также чаще всего построен таким образом, что, поддерживая непрерывный интерес, мобилизуя ребенка на совершение *подвига*, являясь значимой мотивацией для изменения личностного роста. Герой чаще сам не знает к чему стремиться и что ему нужно в жизни [6]. Отправляясь в свой путь на поиски счастья, он начинает словами: «Пойди туда – не знаю куда, принеси то, не знаю что», «Куда глаза глядят», «Туда – сам не знаю куда» [1]. В сказках *счастье познается в самом стремлении к нему*, в самом факте взлета над житейским, счастье рисуется как чудесная страна, чудесная жизнь.

Совершив «подвиг» или найдя «свое счастье» вместе с героем, ребенок верит в свои силы, в себя, в способность справиться с трудностями, что приводит к росту самосознания, самоуважения и позитивного отношения к себе. Такой путь к себе называется *индивидуацией* и по К.Г. Юнгу является целью психического развития. Индивидуация – самоосознавание, интеграция, сближению центра сознания и центра души. Это происходит за счет обретения умения работать с символами своего бессознательного и вести с ним диалог [5].

Сегодня сказка, как и много лет назад не потеряла своего культурно-педагогического значения, хотя сам ритуал «сказуемости» постоянно трансформировался и упрощался. Обобщая вышеизложенное, главная цель сказки – научение, прежде всего, трансляция определенной системы ценностей, поэтому сказка имеет весьма важное социализирующее значение. Поэтому следует с особым вниманием и полной серьезностью относиться к этому *действительно судьбоносному для ребенка символическому действию* и не пускать его «на самотек».

Литература

1. Богатырева Ж.В. Сказка как отражение духовных потребностей общества: традиции и трансформации в современном социальном пространстве // Kant. – 2019. – № 3 (32). – С. 173–177.
2. Богатырева Ж.В. Сказка как пространство обретения духовного опыта (попытка философского анализа) // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3 (40). – С. 352–354.
3. Богатырева Ж.В., Арутюнян О.А. Метафора «превращения» в волшебной сказке: философский анализ // Kant. – 2019. – № 3 (32). – С. 169–173.
4. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Практикум по сказкотерапии. – СПб : Речь, 2000.
5. Л. фон Франц М.-Л. Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке. – СПб. : Б.С.К., 1998.
6. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.
7. Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. – 1990. – № 2.

References

1. Bogatyreva Zh.V. Fairy tale as a reflection of spiritual needs of the society: traditions and transformations in modern social space // Kant. – 2019. – № 3 (32). – P. 173–177.
2. Bogatyreva Zh.V. The Tale as a space for acquiring spiritual experience (an attempt of philosophical analysis) // World of science, culture, education. – 2013. – № 3 (40). – P. 352–354.
3. Bogatyreva Zh.V., Arutyunyan O.A. Metaphor of «transformation» in a magic fairy tale: philosophical analysis // Kant. – 2019. – № 3 (32). – P. 169–173.
4. Zinkevich-Evstigneyeva T.D. Workshop on fairy tale therapy. – St. Petersburg : Speech, 2000.
5. L. fon Franz M.-L. Psychology of Tale. Interpretation of Magic Tales. The psychological meaning of the motive of redemption in a magical fairy tale. – St. Petersburg. B.S.C., 1998.
6. Propp V.Y. Historical roots of a magic fairy tale. – L., 1986.
7. Trubetsky E. «The Other Kingdom» and its seekers in a Russian folk tale // Literary studies. – 1990. – № 2.